

КОСМОС РУССКОЙ РЕЧИ

в первых строках первой строфы первой главы поэмы Евгений Онегин

То, что известно с раннего детства, ослепляет. В том смысле, что не позволяет видеть то, что впитал с молоко матери – или же молоком Матери-Родины – таким, каким оно существует на самом деле. Это касается особенностей языка, с которым родился, краеугольных устоев нравственности, обычаев семьи и народа, поговорок и присказок. А также некоторых литературных отрывков. Которые слышал так много раз и с такого раннего возраста, и так много раз произносил сам, что, кажется, ты их еще до рождения знал. Чуть ли не на генетическом уровне. Как перелетная птица непонятно каким образом знает, куда ей лететь на зиму и возвращаться на лето, так и некоторые стихи. Особенно если они Пушкинские а ты - русский. В данном случае я имею в виду знакомые с раннего детства слова самой известной поэмы из всех, которые когда-либо по-русски были написаны. Причем самые первые ее строки в самой первой строфе. Таким образом, речь пойдет, как Вы уже догадались, о начале Евгения Онегина Пушкина. Которое, без сомнения, известно каждому, для кого русский язык родной: президенту и домохозяйке, академику и двоечнику, заключенному и охраннику охраняющему его от свободы, олигарху и бомжу, рекетёру и его жертве. Вот эти великие и всем известные строки:

**"Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог."**

Ну и что ж тут такого может быть новенького? – справедливо спросит читатель. – Эти строки со времени их напечатания читали и наизусть знали наверно миллиард человек. А произносили и повторяли не менее чем триллион раз. Сотни тысяч раз читали со сцены и произносили по радио. А уж сколько человеко-часов их изучали и обсуждали не только на уроках литературы, но и на конференциях литературоведов и пушкинистов – не счесть! И что же, автор настолько самонадеян, что надеется, несмотря на то, что слова эти знакомы с детства каждому русскоговорящему человеку, отыскать в них что-нибудь новенькое? И он говорит об этом всерьез а не в шутку, без ерничанья и дураков?

Ответ: ну да, вроде получается так. Хотя в гордыне, по крайней мере по данному конкретному поводу, уличить себя никак не могу. А впрочем, судите сами. Или что то же самое, как говорил один теоретический физик: послушайте меня десять минут, и вы все поймете без объяснений.

Начнем с того, что мысленно вернемся на много лет. Заглянем в Советскую Школу в 8 Б класс. В котором на уроке литературы на третьей парте в ряду, который находится у окна, сидел вихрастый мальчишка. С такими густыми кудрями, что, в попытке их расчесать, не раз и не два расчески ломались. А теперь давайте настроим машину времени на тот самый момент, в который учительница литературы Антонина Степановна, как тогда (а может быть и сейчас) говорили, “с выражением” прочитала первые строки Евгения Онегина. Затем проговорила что-то банальное. После чего спросила, нет ли вопросов у школьников, прежде, чем пойти в изучении Пушкина дальше – как это положено по программе.

- У меня вопрос, Антонина Степановна – потянулась вверх рука вихрастого мальчугана.
- Вечно у тебя Магаршак вопросы – поморщилась классная руководительница. – Ну спрашивай.
- Не кажется ли Вам, что первая фраза великой поэмы построена странно и неуклюже. *Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил.* Это все равно как если бы я написал в сочинении: учительница Антонина Степановна, она преподает литературу. Какую отметку вы бы поставили за такое начало? Тройку? Пятерку? Кол?

врачам, который медики затем послушно больному поставили. Прием впоследствии повторявшийся многократно. Включая эпоху культа личности Сталина. И даже после нее. - Магаршак, да что вы такое мелете! – побледнела учительница. Вдруг вспомнив, что на ней, не только члене КПСС но и секретаре парторганизации, лежит ответственность за происходящее на уроке. – Для того, чтобы доказать Вам, что вы неправы, достаточно вспомнить, что дальше – о чем мы будем говорить завтра – в той же самой первой главе сказано, что Онегин – второй Чаадаев. А если бы вторым Чаадаевым был дядя Онегина, то Евгений Онегин, получается, был бы Чаадаевым под номером три. Три, а не два!

- Так это ведь Вы сказали, что дядя Онегина был второй Чаадаев, Антонина Степановна. Пушкин этого не говорил. Зато посмотрите, в какие глубины Вас завели ассоциации с анализом всего лишь одной строки Евгения Онегина. И в какие эмоции. Сколько страсти, сколько ассоциаций! Взгляните в зеркальце – на вас же лица нет! А впереди ведь не только три строки первого четверостишья, но и следующая за ними пятая строка первой строфы: “Его пример – другим наука!” то есть: патриоты России, будьте честными, записывайтесь в ряды декабристов! – приобретает особенный смысл и вес, придавая пятистишию: да да, именно не четверостишью а пятистишью!! - законченность. После коей космичной преамбулы-камертона начинается Действие.

Класс заволновался, запрыгал и загалдел. Учительница же (классная руководительница между прочим) чувствуя, что теряет бразды правления над подрастающим на глазах поколением, повелительно произнесла: Не слушайте Магаршака, дети.

И обращаясь ко мне, авторитарно проговорила.

- Ты, школьник, очевидно не знаешь, что у Крылова была аналогичная строчка: “Осел был самых честных правил”. Александр Сергеевич начал поэму по аналогии с басней великого баснопица земли русской! Что начисто убивает интерпретацию, которая тебе померещилась.

- Допустим. Но это бы означало, что Пушкин в первой же строке своего величайшего произведения заставил Онегина, пусть даже иносказательно, назвать ослом дядю, который по завещанию оставил Евгению все. Каким же мелочным и неблагородным при этом выступает Герой Русской Литературы!

- Ну вот, теперь, кажется, разобрались – подытожила Антонина Степановна по партийному, то есть авторитарно и без какой либо логики, незаметно стирая носовым платочком внезапно выступивший на щеках пот. – Надеюсь, у класса больше нет вопросов к учительнице? Проходит секунды четыре. После чего над головами снова тянется чья то рука.

- Ну что там еще у тебя, Магаршак?

Антонина Степановна, а ведь если предположить, что Пушкин вторил Крылову, то сразу бросается в глаза, что парафраз этот на самом деле не парафраз! Ведь у Крылова при внешнем поверхностном сходстве совершенно другая конструкция! Потому что у Ивана Андреевича после подлежащего “осел” стоит глагол “был”, что делает интерпретацию слова “правил” как существительного невозможной. У Пушкина же глагола “был” в предложении, якобы аналогичном крыловскому, нет. Что разом уравнивает оба смысла: первый, что дядя Онегина был вольнодумцем, всех правившим, с вторым, что *Евгений Онегин* начинается с намека на басню с ослом. Довольно кстати сказать бестактного и странного для начала Великой Поэмы намека.

- Ну и зачем же Пушкину по твоему мнению было устраивать такую двусмыслицу? То есть как это для чего? Чтобы убаюкать цензуру.

- Цензуру?

- Ну конечно цензуру! Первая глава была опубликована в 1925 году, когда друзья Пушкина уже готовили декабрьское восстание. И Поэт, с его сверхчуткой душой, улавливавший малейшие дуновения настроений в обществе, не мог не догадываться об этом.

- Таким образом становясь, написав первые четыре строки великой поэмы, в ряды декабристов?

Это патриотично. Можете продолжать, Магаршак.

- Да я собственно главное уже высказал. Парафраз с Крыловым, о котором поэт как бы ненароком сам же наверняка и рассказал всем-всем-всем, чтобы поэму не запретили и сбить цензоров и ищеек, делает первое предложение – оно же четверостишие – утонченно двусмысленным. Причем двусмысленность эта уводит в глубочайшие и высочайшие бездны. Достойные начала величайшего произведения.

-Знаете Магаршак, я все-таки запрещаю Вам говорить. В противном случае мне придется таки вызвать вас к директору школы. Чего ни Вам, ни мне ну абсолютно не надо.

Я замолк, взглядываясь и вчитываясь в первую строфу Онегина на протяжении оставшейся половины урока. Мысли и образы – как сейчас помню и вижу их, милых, летучих, переплетающихся – носились, как бешеные, в голове, словно она была космосом. И только когда прозвенел звонок и ребята высыпали в коридор, подошел к одиноко сидящей училке.

Обессиленной так, словно ее только что выпарили.

- Антонина Степановна. Кажется я могу Вас обрадовать. Выдвинутая мною гипотеза, что в первой строчке Евгения Онегина *правил* это глагол, наверное все же неправильна. Потому что интерпретация слова “правил” как глагола возможна только когда читаешь Пушкина устно. Если же читать стихи письменно, их не слышишь ушами, а видишь глазами. В русском языке написанное и услышанное почти всегда совпадают. За исключением Николаевского КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ. И по странному совпадению первых четырех строк поэмы Евгений Онегин, которую цензурировал не кто то а именно Николай! Если бы слово “правил” было глаголом, то в конце второй строчки должна была бы стоять точка. Или же точка с запятой, делающая предложение сложносочиненным. А там запятая. Что делает интерпретацию слова “правил” как глагола менее вероятной. Запятая – слишком легкий, почти невесомый знак для этого трактования.

- Вот видите Магаршак.

- Вижу. Что Пушкин играл первым и вторым смыслами, уравнивая их в устном произнесении. Но по какой то причине отдал предпочтение все таки такому прочтению, которое не давало бы повода думать, что дядя Онегина вольтерянец. Скорее всего, Поэт убрал точку с запятой или точку и заменил их на запятую, тем самым склонив весы понимания, на одной чаше которой лежит странноватый идеоматический оборот, а на другой четкое бунтарское предложение, в сторону безобидной нелепицы, потому что решил, что риск слишком велик.

И как же ты, мальчик – если твоя теория правильна – объясняешь беспринципность Александра Сергеевича в этом четверостишье, которой у него никогда не было ни ранее ни позднее?

- Самым естественным образом. Ведь с 1924 года Пушкин находился в ссылке в Михайловском. Где и взвешивал каждую запятую и каждую точку на Весах Судьбы. Причем судьбы не онегинской, а своей собственной. А к 1925ому году, когда читал верстку Первой Главы перед тем как она была впервые опубликована, решил, что если он решится оставить точку: после второй строки или же после первой, и даже если всего-навсего завершит любую из этих двух строк точечкой с запятулечкой – его сошлют куда как подальше, чем в имение, расположенное в 50 километрах от Пскова. В Сибирь. А то и вовсе в какую-нибудь магаданщину. Или еще того пуще: в вечную мерзлоту! Это же очевидно. Вот только доказательств гипотезы у меня нет. И стало быть, ей суждено навечно остаться версией. Которая, наверно, как игра поразительными возможностями нашего языка немного воображение и поражает. Но не более этого.

Антонина Степановна рассмотрена на меня с такой тоской и таким ужасом, каких в ее глазах не видел ни ранее, ни позднее. Никогда не забуду этот ее отчаянный отеческий взгляд.

- Вам нельзя заниматься литературой, Магаршак.

- Почему?

- Потому что не забывайте, в какой стране вы живете. Филфак вам антипоказан категорически. Идите в математику или в физику. Там для вашей аналитической головы прямая дорога.

Юрий Магаршак, профессор физики. А также немножечко литератор.
КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

